

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

ЖЕСТОКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

90-е БЕЗ КУПЮР

ЖЕРТВОЙ «ЗАКАЗУХИ» СТАЛ КИЛЛЕР

4 октября в Москве совершено убийство. Жертвой стал киллер, который был заказан на убийство. В момент убийства он находился в машине. Убийца был задержан. В настоящее время он находится в тюрьме. Дело расследуется.

В Москве совершено убийство. Жертвой стал киллер, который был заказан на убийство. В момент убийства он находился в машине. Убийца был задержан. В настоящее время он находится в тюрьме. Дело расследуется.

СБОРНИК

ОБЕЛИСК ДЛЯ ФУФЛЫЖНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИЛК-ПРЕСС,
МОСКВА 2017 ГОД

Илья Деревянко

Обелиск для фуфлыжника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148511

Аннотация

Бандиты и коммерсанты.

Киллеры и их заказчики.

Менты и «красная масть в криминале».

Добропорядочные обыватели и...запредельная жестокость!

Кто эти люди?! Почему они стали теми, кем стали!?

Ответы на эти вопросы (а также многое другое) вы найдёте в нашем сборнике.

Далеко не все любят вспоминать 90-е годы. Но... без знания реалий того времени не поймёшь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	22
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Илья Деревянко

Обелиск для фуфлыжника

Фуфлыжник – на криминальном жаргоне человек, не вернувший карточный долг. В более широком понимании – тип, не возвращающий любые долги. В местах заключения – существо крайне презируемое, бесправное. Зеки могут опустить фуфлыжника, заставить его взять на себя чужое преступление и т. д.

Пролог

Май 1997 г. Москва

– Удивляюсь я тебе, Антон! Ей-Богу, удивляюсь! – раздраженно говорил Игорь Снегирев по прозвищу Снежок – грузный тридцатичетырехлетний мужчина с жесткими глазами цвета вороненой стали, обращаясь к своему непосредственному начальнику Антону Соболеву (погоняла¹ – Сობоль) – стройному сорокалетнему человеку среднего роста, с правильными аристократическими чертами лица. Сობоль ни в коем разе не напоминал тех уголовных авторитетов, которых со смаком описывают авторы некоторых известных детективов, удостоенных премий МВД. Авторитеты там (в

¹ Кличка (здесь и далее примечания автора).

противовес мужественным интеллектуальным сыщикам) – гадкие дебилообразные антропоиды с синими от наколок шкурами, золотыми фиксами в слюнявых пастях, с косяками анаши в корявых пальцах и со спрятанными за щеками бритвенными лезвиями. Они (детективные паханы) дурно воспитаны, беспрестанно хлещут чифирь² и разговаривают исключительно на перемешанной с матюгами фене³.

Между тем Антон Соболев был именно бандитским авторитетом, широко известным в криминальном мире, однако наколок с фиксами не имел, лезвий за щеками не держал⁴, и изъяснялся нормальным русским языком, почти не употребляя ни блатных, ни матерных выражений. Снегирев тоже выглядел вполне благопристойно. Оба бандита сидели не на загаженной блатхате (ох уж мне эти горе-детективщики!), а в маленьком уютном кафе, курили не анашу, а обычные сигареты и вместо пресловутого чифирия пили кофе со сливками.

– Елкин – натуральный фуфлыжник! – постепенно распалялся Снежок. – Полгода не возвращает тебе двадцать тысяч долларов, за крышу не помню когда последний раз платил, а тут еще долг для него выбивай! Бескорыстно, разумеется,

² Дурманивший напиток из чая (пачка чая на кружку воды).

³ Блатном жаргоне.

⁴ В 30 – 60-е годы среди уголовников высокого полета действительно культивировалось искусство неожиданно выплунуть в лицо противнику бритвенное лезвие (не поранившись при этом самому). Искусство сложное, требующее многолетней тренировки. Сейчас все это ушло в прошлое. Нынешнее поколение паханов предпочитает методы попроще, но поэффе́ктивнее (пулю, бомбу и т. д.).

по старой дружбе! – Снегирев презрительно скривил губы.

– Ты не прав, Игорь! – примирительным тоном возразил Антон. – Серегу Елкина я знаю давно! Он вовсе не фуфлыжник, деньги отдает, а с сегодняшнего дела, кстати, не сложного, свою долю мы получим!

– Сколько именно?! – скептически поинтересовался Снежок.

– Десять процентов!

– Тьфу! Жалкие гроши! Мы что, блин, тимуровцы?!⁵ – Лицо Снегирева отразило крайнюю степень негодования.

– Общая сумма долга триста тысяч зеленых! – заметил Соболев. – Тридцатка наша, а работа, повторяю, левая!

Речь шла о Сергее Игнатьевиче Елкине, владеющим совместно с неким господином Иволгиным фирмой «Ажур», промышленяющей торговлей чем придется. Лет двадцать с лишним назад Елкин, обладавший черным поясом по школе «Киу-ка-шинкай», вел секцию карате, где тренировался молодой Соболев. Антон подавал большие надежды, его постоянно ставили в пример другим ученикам. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Антона (сам он мечтал служить Родине, готовился к поступлению в погранучилище), но в возрасте семнадцати лет Соболева надолго упрятали за решетку за нанесение тяжких телесных повреждений прицепившемуся к нему на дискотеке подвыпившему хули-

⁵ Обычно бандиты из вышибленного долга забирают половину. Правда, иногда для «своих» коммерсантов делают исключение.

гану. Хулиган, на беду, оказался сыном влиятельного папаши, и Антон получил по максимуму. Пройдя кузницу уголовных кадров, коей являлись (и по сей день являются) отечественные «исправительные учреждения», он прочно стал на криминальную стезю, к сорока годам сделавшись крупным бандитским авторитетом, не желающим жить по государственным законам, а предпочитающим законы иные, безусловно волчьи, но, пожалуй, более справедливые. Выйдя на свободу, Антон Соболев, к тому времени уже Соболя, продолжал поддерживать приятельские отношения с бывшим тренером, жившим неподалеку от него. Шли годы. Рухнула Советская империя. На ее руинах воцарилась рыночная демократия. Елкин занялся коммерцией и вскоре, осознав реалии современной действительности, попросил у Антона поддержки. Сергей Игнатьевич быстро понял две элементарные вещи: первое – черный пояс это, конечно, очень хорошо, но без надежной крыши коммерсанту в нашей стране чисто физически не выжить, не отбиться от наездов расплодившихся как кролики рэкетиоров. Ну расквасишь морду одному-другому-третьему, а толку? Все равно задавят. Будь ты хоть точной копией Брюса Ли, в бараний рог свернут! Недаром в определенных кругах говорится: «Даже из самого здорового быка можно сделать тушенку!» Нет, встречаются порой люди, которые, ни на кого не опираясь, плюют на всех и вся, ничего не боятся и заставляют самых крутых боять-

ся себя, причем панически⁶. Но, чтобы стать таким, нужно собственную жизнь ни в грош не ценить. Господин же Елкин, напротив, тело свое брренное любил чрезвычайно, и ему отнюдь не улыбалась перспектива схлопотать однажды пулю в голову или внезапно воспарить к небесам вперемешку с обломками взорванного «Мерседеса». Во-вторых, демократическое государство упорно не желало защищать права налогоплательщика. Кинул⁷, допустим, вас деловой партнер на кругленькую сумму, а государство не мычит, не телится. Оно, государство то есть, само кидает граждан направо-налево и посему, вероятно, кидалам сочувствует. При царе-батюшке пройдоху-неплательщика мигом бы запихнули в долговую яму, имущество описали, а нынче «официальные инстанции», поджав губы, скажут: «Обращайтесь в Конституционный суд в установленном порядке». Конституционный суд! Насчет «эффективности» работы данного заведения (если оно не отстаивает в очередной раз права Президента) распространяться не стану.

Лучше спросите тех, кто имел глупость туда сунуться в наивной надежде вернуть «свои кровные». Вам та-а-кое расскажут! Со смеху околеете! Короче, как ни крути, без крыши бизнес не пойдет, забуксует. Правда, за нее платить нужно, а вот этого господин Елкин не любил. Скуповат был изрядно! Однако соображалка у Сергея Игнатьевича работала.

⁶ См. мою повесть «Смертник», где рассказывается именно о таком человеке.

⁷ Обманул.

Пораскинув мозгами, он нашел приемлемый выход из положения. «И рыбку съел и... на трамвае прокатился». Используя добрые отношения с Соболем, он сумел обзавестись крышей надежной, но в финансовом плане необременительной. Елкин отстегивал бандитам сумму чисто символическую, да и ту задерживал по несколько месяцев, исходя из принципа: «Есть настроение – отдам, нет настроения – обождут! Чай не баре!» Полгода назад он занял у Антона 20 000 долларов «на раскрутку», возвращать которые не торопился, а сейчас обратился с просьбой вытрясти долг из господина Говоркова, хозяина фирмы «Созвездие», в недалеком прошлом тесно и взаимовыгодно сотрудничавшей с «Ажуром». Две недели назад союз распался по причинам личностного характера. Коммерсанты рассорились и как взбалмошные супруги принялись скандално делить «совместно нажитое имущество». Сергей Игнатьевич определял причитающуюся ему долю в триста тысяч долларов. Говорков не соглашался. Мол, сотни за глаза хватит! В результате бывшие компаньоны насмерть разругались, причем Петр Иннокентьевич крикнул в запале: «Вообще ни хрена не получишь, молокосос! Гуляй на все четыре стороны!» Тогда взбешенный Елкин решил прибегнуть к силе и обещал крыше десять процентов за восстановление справедливости...

– Не нравится мне этот расклад! – хмуро ворчал Снежок. – И десяти процентов не увидим! Фуфлыжник твой Елкин.

– Хорош бубнить, Игорь! – оборвал товарища Антон. –

Все будет путем! Вот увидишь!

– Ладно, – обреченно вздохнул Снегирев. – Ты старший, тебе решать!

– Правильно, – улыбнулся Соболев. – Вон, кстати, Серега подъехал. Для начала прогуляемся к Говоркову втроем – я, ты, Елкин. Попробуем договориться полюбовно.

– А если не подействует? – спросил Игорь.

– Тогда задействуем вариант номер два. Да перестань ты кукситься! Серега нормальный мужик, не подведет!..

Елкин – плотно сложенный темноволосый мужчина лет сорока пяти сызмальства отличался экспрессивностью, нетерпеливостью и горячностью. Ворвавшись в кафе, он чуть не сбил с ног зазевавшегося посетителя, не извинившись, подбежал к столику, где сидели бандиты, торопливо поздоровался и с ходу принялся костерить нехорошими словами «Паскуду-Петьку» (так Сергей Игнатьевич именовал теперь Говоркова).

– Падла! Гнида! Прохвост! Проходимец! – возбужденно размахивая руками, выкрикивал он. – За яйца гада подвесить! Паяльник в жопу вогнать! Я, считай, его из грязи вытащил, а этот пидер...

– Остынь, Серега! – мягко остановил бывшего тренера Соболев. – Не жги понапрасну порох! Говорков в настоящий момент дома?

– Да, я звонил ему час назад!

– Ну и?

– Бросил трубку, козел!

– Тогда не станем терять понапрасну времени, – Соболь, а вслед за ним Снежок поднялись из-за стола. – В путь!..

Петр Иннокентьевич Говорков – мелкий, лысый, тощий, но бодрый старичок (до перестройки крупный обкомовский деятель) проживал в элитном загородном дачном поселке, где испокон веку гнездились государственные чиновники, добившиеся «степеней известных», и партаппаратчики. В 1991 году они в подавляющем большинстве либо сменили коммунистический окрас на демократический и остались на госслужбе, либо, используя прочные связи на разных уровнях плюс кой-какие прилипшие к рукам деньжата, подались в бизнес. В общем, население поселка практически не изменилось. Говорков, облаченный в адидасовский спортивный костюм, устроился в саду на кресле-качалке, нежился под лучами теплого майского солнышка, дышал свежим воздухом и с удовольствием поглядывал на трех недавно нанятых дюжих боксеров-телохранителей, прогуливающих в отдалении. В их присутствии Петр Иннокентьевич ощущал себя надежно защищенным от разного рода неприятных сюрпризов. На днях, когда Говорков с Елкиным беседовали о разделе имущества (если, конечно, можно назвать беседой истошные матерные вопли с обеих сторон), боксеры одним своим видом спасли организм господина Говоркова от серьезных

увечий. В разгар перепалки Сергей Игнатьевич, кровно обиженный на слово «молокосос», сжав кулаки, заорал: «Кости тебе переломаю, старый хрыч! Всю оставшуюся жизнь будешь на инвалидной коляске кататься!» Повинуясь знаку Петра Иннокентьевича, вооруженные кастетами телохранители быстрым шагом приблизились, обступив Елкина полукругом.

– Не залупайся, Сереженька! – с ядовитой ласковостью посоветовал Говорков. – Эти ребята мастера спорта по боксу. Чак Норис, возможно, с ними бы и справился, но ты, дорогуша, не Чак Норис, даже не Ван Дамм. Поэтому угомонись, вытри пену с ротика и вали отсюда, пока цел!

Оценив соотношение сил, Сергей Игнатьевич предпочел не искушать судьбу. Но Боже! До чего ж рассвирепел! Вспомнив, как перекосилась в бессильной ярости наглая физиономия Елкина, Петр Иннокентьевич залился тихим веселым смехом: «Так-то вот, «черный пояс»! Не все коту масленица!» Сегодня часа полтора назад Елкин позвонил, вероятно, надеясь возобновить торги, однако Говорков, не удостоив ответом, повесил трубку. Пусть катится к чертям собачьим, мудака отмороженный. Не хотел сотни тысяч?! Триста штук требовал?! Угрожал?! Теперь не получишь ничего... Сопляк!

Неожиданно заскрипела калитка. Петр Иннокентьевич лениво обернулся. Во двор деловито вошел Елкин в сопровождении двух незнакомых мужчин. Случайно встретив-

шись с ними взглядом, господин Говорков ощутил некий моральный дискомфорт. Внушительное присутствие боксеров-телохранителей почему-то больше не согревало душу.

– Здравствуйте! – вежливо обратился к Говоркову один из незваных гостей, приятное интеллигентное лицо которого резко противоречило льдистым беспощадным глазам хищника. – Меня зовут Антон. Фамилию вам знать не обязательно. А навелstil я вас по следующему поводу. Вы должны нашему товарищу триста тысяч долларов.

– Нет, не должен! – активно воспротивился Петр Иннокентьевич.

– Совершенно верно, – к величайшему его изумлению охотно согласился Антон. – Елкину вы действительно больше ничего не должны! Вы должны нам!

Говорков покосился на Елкина. Тот преехиднейше ухмылялся. Второй незнакомец, мрачный, грузный, не принимавший участия в разговоре, пристально разглядывал боксеров, словно примеривался, выбирая первую жертву. Взгляд и особенно повадки второго телохранителям явно не нравились. Они переминались с ноги на ногу и нерешительно переглядывались. Наметанным глазом профессионалов ребята мгновенно определили – перед ними матерый боец, не чета истеричному каратистишке Елкину. Весит не менее ста двадцати килограммов, фигура мешковатая, громоздкая, а движется бесшумно, грациозно, словно кот, почти не касаясь ногами земли. В холодных глазах – ни тени сомнения в соб-

ственном превосходстве. Опасный тип! Не хотелось бы проверять его способности на деле. Впрочем, пришельцы пока никаких агрессивных действий не предпринимают. Шеф на помощь не зовет... Даст Бог, обойдется!

– Надеюсь, мы сумеем договориться как цивилизованные люди, – лучась светской улыбкой, продолжал между тем Антон.

– А кто вы будете? – недружелюбно осведомился Говорков.

– Это не суть важно. Полагаю, вы человек благоразумный, с большим жизненным опытом, – Соболь улыбнулся еще шире, сделавшись похожим на рекламу зубной пасты. – Я позвоню сегодня вечером, – добавил он. – Или завтра утром на работу.

– Зачем?! – насупился Петр Иннокентьевич.

– Вы объясните, когда и как вернете деньги.

– Я... Не... Пойдите! – заволновался Говорков, однако Антон вместе с остальными, не слушая возражений, направился к выходу.

– До свидания! – уже стоя у ворот, с нажимом произнес он.

– Скользкий хмырь! – сказал Снежок. – Неприятный!

Расставшись с Елкиным у поселка, бандиты поехали в город и застряли в километровой пробке на недостроенной кольцевой дороге.

– Верно! – подтвердил сидевший за рулем Соболев. – На угря похож. Чувствуется кондовая партаппаратная закваска!

– Сегодня позвонишь? – спросил Игорь, прикуривая сигарету.

– Нет, – отрицательно покачал головой Антон. – Поспешность нужна только при ловле блох. Пускай до завтра поразмыслит...

– По-твоему, старый хрыч согласится?

– Трудно сказать с определенностью, – пожал плечами Соболев. – Пятьдесят на пятьдесят! С одной стороны, он не дурак. Наверняка понял, с кем общался. С другой – он не знает нам истинную цену. Может посчитать, что его просто слегка припугнули и дальше дело не пойдет. Опять же, партаппаратное прошлое. Привык считать себя неуязвимым. Короче, поживем – увидим...

– А бабки, ну, потом, когда игра закончится, барыга лично нам вернет?! – вдруг оживился Снегирев, как помнит читатель, ни на йоту не доверявший господину Елкину.

– Нет, Игорь, не нам, а Сереге, – ответил Антон. – Нас он больше не должен видеть. Сдаст подлюкам мусорам! С Елкиным же подобный вариант не проскочит. Их фирмы официально сотрудничали, у Сереги на руках куча документов, да и деньги-то, ясный перец, – безналичка!

– Па-а-нятно, – разочарованно протянул Снежок. – Елкин, блин, Палкин! Не верю я этому фуфлыжнику! Однако насчет мусоров ты абсолютно прав!..

Визит Соболя со Снежком хоть и смутил поначалу Петра Иннокентьевича, безошибочно почуявшего за изысканными манерами Антона волчий оскал, но ненадолго. Взлелеянная годами работы во всевластных партийных структурах самоуверенность быстро взяла верх. «Пытаются на испуг взять, щенки! – решил Говорков. – Да не на того нарвались! Попробуйте-ка сунуться ко мне за деньгами! Моментом в тюрьге окажетесь! Бандюги обнаглевшие! Возомнили о себе, понимаешь!» Примерно так он и сказал, вернее, накричал в трубку, когда на следующее утро ему в офис позвонил Антон. Соболев терпеливо выслушал вопли бывшего партработника, выразил вежливое недоумение столь некорректным поведением собеседника, посоветовал Говоркову регулярно принимать успокоительное, совершать моцион перед сном и обещал перезвонить позднее, после того как уважаемый Петр Иннокентьевич подлечит расшатанные непосильным трудом нервы...

Спустя два дня, в начале первого ночи, к загородной резиденции Говоркова подъехали четверо боевиков Соболя – Гена Корнилов (погоняла Белогвардеец), Александр Преображенский (Доктор), Андрей Макаров (Ствол) и Степан Конев (Сивка-Бурка). Они оставили машину в ста метрах от дома и дальше двинулись пешком. Белогвардеец нес на плече гранатомет «Муха».

– Эх, жажнуть бы хоть по крыше! Аж руки чешутся, – мечтательно тянул он.

– Даже не думай! – жестко отрезал Сивка-Бурка, на которого Антон возложил руководство осуществлением варианта № 2. – Шеф велел только шороху навести, но никаких разрушений!

– А охрана в доме круглосуточно? – поинтересовался Доктор, накачанной массивной фигурой и толстенными мускулистыми волосатыми лапищами напоминавший больше мясника.

– Скорее всего да, – подумав, сказал Конев. – Один, вероятно, бдит, остальные спят. Через два-три часа меняются. Обычная схема караульной службы. Действовать будем так: Доктор вырубает первого охранника, Ствол страхует. Если на шум выскакивают остальные – с ходу «гасим» их тоже. Фактор внезапности на нашей стороне. Ты, Генка, шумишь с «мухой», но не дай Бог пальнешь сдуру. Голову отверну! Понял?!

Корнилов неохотно кивнул.

– А если не подействует? – с сомнением спросил Ствол.

– Должно подействовать! – убежденно ответил Сивка-Бурка. – Обязательно должно! Если же вдруг нет – шеф пустит в ход вариант № 3, но это уже не наша забота...

Петру Иннокентьевичу не спалось. Говоркова томили неясные предчувствия. Нет, ничего конкретного он не подо-

зрел, но сердце все же было не на месте. Одетый в ночную полосатую пижаму, хозяин фирмы «Созвездие» бродил по спальне, расположенной на втором этаже. Периодически он выглядывал в окно проверить – исправно ли несет службу Андрей Мармеладов, один из трех телохранителей, не спит ли?

Мармеладов, спортивной внешности парень со сплюснутым носом, не спал, а дабы не терять попусту времени – усердно тренировался: бегал трусцой, прыгал через детскую скакалку, отжимался на кулаках и ожесточенно лупцевал подвешенную на турнике боксерскую грушу.

– Орел! – каждый раз удовлетворенно сопел Петр Иннокентьевич, полюбовавшись на молодцеватого охранника. – Двинет по мозгам – мало не покажется!

Тем не менее дурные предчувствия не покидали его, и к половине первого ночи господин Говорков получил возможность убедиться – что не напрасно!

– Ага, вон он, красавец! – подойдя вплотную к ограде и заглянув в щель, шепнул Конев. – Доктор, Ствол, за работу!

Перемахнув через забор, Доктор набросился сзади на увлеченного тренировкой боксера, врезал охраннику резиновой дубинкой в подколенный сгиб и, когда тот подсел, с размаху рубанул ребром ладони по шее. Мармеладов отключился. Петр Иннокентьевич, в очередной раз выглянув в окно, увидел следующую картину: бесчувственный «орел»

ничком лежал на земле, а во дворе находились четверо посторонних – широкоплечих, в темной одежде. Лица их скрывали вязанные лыжные шапочки с прорезями для глаз. Один держал в руках гранатомет.

– Ребята! Тревога! – сипло, но громко кукарекнул Говорков. Разбуженные телохранители, ничего толком не понимая и протирая заспанные глаза, выскочили на крыльцо и тут же составили компанию Мармеладову. Первый получил два мощных удара – ногой в солнечное сплетение и коленом в подбородок. Второго наотмашь треснули дубинкой по темени. Тип с «Мухой» нацелил гранатомет в ярко освещенное окно второго этажа, как почудилось хозяину фирмы «Созвездие» – прямо ему в лоб. Петр Иннокентьевич оцепенел в ужасе, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Вот-вот убийца нажмет спуск, заряд влетит в комнату, разнесет тело Говоркова в клочья...

– Тьфу, блин! Заклинило! – донесся со двора грубый голос. – Спусковое устройство, мать-перемать, не фурычит!

– Странно! – отозвался другой. – Машинка прежде ни разу не подводила!

– Ладно, пацаны, сваливаем, – подытожил третий. – Вернемся позже...

В одиннадцать часов утра домой Говоркову позвонил Соболев. В офис Петр Иннокентьевич не поехал. Отлеживался в постели после пережитого потрясения, сосал валидол.

– Здравствуйте, это опять я, – вежливо представился Антон.

– Ночью ваши ребята приходили? – голосом тяжело больного спросил Говорков.

– Какие ребята? – искренне изумился Антон. – Я вас не понимаю!

– Ч-четверо! С г-гран-натометом!

– С гранатометом?! Что за чепуха?! Вы, вероятно, сильно переутомились, – в голосе Соболева звучало неподдельное сочувствие. – Вам следует отдохнуть в хорошем санатории, подлечить нервную систему! – заботливо посоветовал он.

– Чего вы хотите? – выдавил Петр Иннокентьевич, прекрасно понявший – навестившие его ночью головорезы присланы именно этим волчарой в овечьей шкуре. Спусковое устройство вовсе не заклинило. Просто ему сделали последнее предупреждение. В следующий раз «Муха» сработает безотказно, или продырявит голову пуля снайпера, или... Да мало ли способов отправить человека в загробный мир?!

– Во время нашей прошлой беседы вы, уважаемый Петр Иннокентьевич, были немного разгорячены, – задушевно начал Антон. – Я понимаю – тяжелая работа, усталость, стрессы... Так вот, в надежде, что вы уже успокоились, я посчитал возможным перезвонить, уточнить нюансы по поводу возврата долга!

– Денег у меня сейчас нет! – сдался Говорков, решивший больше не играть с огнем. – Зато есть товар на указанную

вами сумму!

– Какой именно? – уточнил Соболев.

– Стройматериалы. Когда и где вы желаете их получить?
Язык хозяина фирмы «Созвездие» слегка заплетался.

– Свяжитесь, пожалуйста, с Елкиным. Передайте товар непосредственно ему. Всего наилучшего! – нежно проворковал Антон, вешая трубку. Петр Иннокентьевич горестно вздохнул и трясущейся рукой принялся набирать номер совладельца фирмы «Ажур»...

Глава 1

– Светлейший эмир совершенно прав, – сказал Ходжа Насреддин, обводя взглядом безмолвствующих придворных. – ...Лица этих людей, как я вижу, не отмечены печатью мудрости!

– Вот-вот! – обрадовался эмир. – Вот именно! Не отмечены печатью мудрости!

– Скажу еще, – продолжал Ходжа Насреддин, – что я равным образом не вижу здесь лиц, отмеченных печатью добродетели и честности!

– Воры! – сказал эмир убежденно. – Все воры! Все до единого!

Леонид Соловьев Повесть о Ходже Насреддине

Начало сентября 1998 г., Москва. Разгар экономического кризиса в России

В августе 1998 года с грохотом рухнула финансовая пирамида ГКО⁸. «Юный» Премьер Сергей Кириенко во всеуслышание объявил о неплатежеспособности государства и вскоре ушел в отставку. Доведенную усилиями «реформаторов» до ручки страну залихорадило. Рубль стремительно падал, разваливались десятки коммерческих банков, сгорали синим пламенем банковские вклады граждан и организаций. Сообщения средств массовой информации с валютной

⁸ Государственных коммерческих обязательств.

биржи напоминали фронтовые сводки Совинформбюро лета 1941-го, в разгар гитлеровского наступления. К финансовому кризису присовокупился политический. Президент упорно проталкивал в премьеры Черномырдина (не так давно с позором изгнанного именно с этой должности). Дума яростно сопротивлялась, грозя Президенту импичментом. Между тем миллионы жителей России голодали. Впрочем, голодали они уже давно, но теперь к пенсионерам, учителям, врачам, военным, шахтерам и прочим-прочим присоединились недавно благополучные представители пресловутого среднего класса, с пафосом воспетого записными соловьями «демократии»: банковские клерки, менеджеры, журналисты, невысокого полета коммерсанты... Повсюду царили паника и отчаяние... Кое-кто кончал жизнь самоубийством.

Господина Елкина «чаша сия» миновала. Никогда особенно не доверяя банкам, он нюхом учуял надвигающийся катаклизм и в середине июня обналичил все свои сбережения, вложив снятые со счетов средства либо в иностранную валюту, либо в товар.

– Сергей, зачем?! – удивился тогда компаньон Елкина Владилен Андреевич Иволгин – рыхлый, робкий пятидесятилетний господин, внешностью и характером похожий на престарелую пугливую бабу. – Ведь деньги осядут мертвым грузом, а так они через ГКО хороший навар приносят.

– Слишком хороший, Владик, слишком! – ухмыльнулся Сергей Игнатьевич, снисходительно похлопывая компаньо-

на по пухлому плечу. – Как «МММ» или «Властелина»? Помнишь, чем они кончили?! То-то вот! Запомни, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Скоро все эти суперприбыли покатятся в тартарары, утянув за собой кровные денежки вкладчиков!

Владилен Андреевич, человек по натуре слабохарактерный, спорить не стал, лишь мысленно обозвал Елкина «паникером-перестраховщиком», но время показало – Сергей Игнатьевич был абсолютно прав. В результате финансовая катастрофа обошла «Ажур» стороной. Фирма процветала, но в сердце ее незаметно вызревали семена гибели. Дело в том, что за последние полтора года господин Елкин окончательно обнаглел и утратил остатки совести. Долг Антону он до сих пор не вернул, не говоря уже об обещанных за вразумление Говоркова тридцати тысячах долларов, а Соболя неизменно «кормил завтраками», ссылаясь на вымышленные «объективные трудности» – дескать, полученные у «Созвездия» стройматериалы реализовать не удастся, бизнес идет плохо. Сплошные убытки, доходов нет... Иногда выдумывал наезды злой налоговой полиции и т. д. и т. п. Терпимость Антона кружила голову Сергею Игнатьевичу похлеще крепкого вина. В конечном счете он вовсе перестал выдумывать новые отговорки, а просто твердил как попугай: «Денег нет! Денег нет!... Денег нет!...»

За крышу Елкин совсем платить перестал, зато завел офисную охрану из четырех двухметровых парней, больше

для форсу, чем по необходимости. Антоновы пятьдесят тысяч долларов он привык считать своими и расставаться с ними не собирался. Фуфлыжничал Елкин и с деловыми партнерами. В двадцатых числах июля 1998 года он заключил договор с фирмой «Пьедестал», возглавляемой неким Станиславом Кирилловичем Платоновым. «Пьедестал», занимавшийся изготовлением роскошных надгробий для убиенных представителей братвы и прочих новых русских, заказал «Ажуру» большую партию черного гранита. Сергей Игнатьевич получил в качестве предоплаты огромную сумму наличными, конвертировал ее в доллары, спрятал в сейф, однако поставлять гранит даже не думал, по крайней мере в течение ближайшего года. Словом, зарвался коммерсант! Одновременно характер Сергея Игнатьевича, и раньше-то далеко не ангельский, испортился до предела. Он увлекся рукоприкладством, и многие сотрудники «Ажура» носили на лицах сине-фиолетовые отметины хозяйской длани. Чуть что не так – «Ки-й-яя! Бау!»⁹. Люди проклинали в душе распявшегося шефа, но, за исключением одного молодого парня из бухгалтерии, никто с работы не уволился. Податься-то некуда! Кругом сплошная разруха! Перипетии экономического кризиса, трагические для подавляющего большинства населения России, господин Елкин наблюдал с подленьким восторгом: «Тоните, дураки! Тоните! А я умный! Я – выплыву!» И действительно – конкуренты один за другим разоря-

⁹ Боевой клич каратистов.

лись, а «Ажур» процветал. Однако есть на свете Бог. Все видит Всевышний. Не скроешься от Его гнева! Над головой одурманенного успехом, ничего не подозревающего Сергея Игнатьевича медленно, но верно сгущались грозовые тучи...

Кризис шарахнул по «браткам» точно так же, как по их подопечным коммерсантам. Выплаты за крыши сократились до минимума или вовсе прекратились¹⁰. Много ли шерсти настрижешь с облезлой овцы? Финансовые проблемы возникли и у ребят Соболя. Нет, они, конечно, не голодали, однако были вынуждены считать каждый рубль. Антон, например, в силу производственной необходимости не расстававшийся с сотовым телефоном, теперь старался ограничиться в разговорах по нему несколькими фразами, а если собеседник увлекался – вежливо напоминал: «Извини, дружище! Центы капаят!» Как-то вечером они вместе со Снежком зашли в бар, сели за столик и заказали по кружке пива. Беседа шла о положении дел в стране.

– Вот уж кинули народ так кинули! – сокрушался Антон. – Все влетели по полной программе!

– Далеко не все! – живо возразил Снежок.

– Олигархи, понятно, цветут и пахнут, – вздохнул Антон. – С ними-то ни хрена не сделалось!

– Не только олигархи, но и некоторые наши знакомые ком-

¹⁰ Как правило, бандиты берут плату за крышу в виде определенного процента от прибыли или (чаще) с оборота.

мерсилы. – В глазах Снегирева вспыхнули злые искорки.

– Брось! – отмахнулся Соболев. – Не мели ерунды.

– Я не мелю! – резко сказал Снегирев. – А имею в виду вполне конкретного человека. Кстати, задолжавшего нам приличную сумму.

– Кого?! – насторожился Антон.

– Елкина!

– О Господи! – Соболев громко расхохотался. – Ну ты, брат, загнул! Да Сереге перепало, пожалуй, больше чем кому бы то ни было! Я на днях с ним встречался. Чуть ли не без штанов бедолага остался! Жрать дома нечего!

– Он сам так сказал? – недобро прищурившись, уточнил Снежок.

– Да!

– У меня есть на этот счет иные сведения!.. Я знаю, Антон, о чем ты сейчас думаешь! – в ответ на недоверчивую гримасу Соболя рассердился Снежок. – Мол, Игорек просто-напросто терпеть не может Елкина, постоянно на измене сидит¹¹... Разве нет?!

Соболев растерянно кивнул. Снегирев слово в слово озвучил его мысли.

– Так вот, Антон, – серьезно продолжал Игорь. – Ты, вероятно, в курсе, что я всегда отвечал за базар¹².

¹¹ Что-то подозревает.

¹² В данном контексте – всегда был готов ответить за свои слова, доказать их справедливость. Кстати, в бандитской среде за них можно ответить очень серьезно.

– Естественно! – подтвердил Соболев. – Иначе б я с тобой не знался!

– Тогда выслушай одну занимательную историю. В бухгалтерии фирмы «Ажур» вплоть до недавних пор работал молодой парень Толик Соловьев, двоюродный брат моей нынешней ляльки¹³ (разведенный Снегирев принципиально больше не женился, предпочитая необременительные отношения с частоменяемыми любовницами). Неделю назад мсье Елкин свернул Толику скулу и сломал нос за какую-то пустячную провинность. Да-да, не удивляйся! Твой бывший тренер лупцует своих сотрудников почему зря! Куражится, падла! Знает – идти людям некуда! Однако Толик – мальчик чрезвычайно нежный, впечатлительный. Он предпочел очутиться на улице, чем и дальше регулярно получать в рыло. Вместе с тем Соловьев парнишка не только впечатлительный, но и мстительный. Зная, что двоюродная сестра встречается с представителем братвы, он вознамерился при ее помощи расквитаться с обидчиком. Мне, признаться, сначала было «по барабану», однако, услышав фамилию Елкина, я заинтересовался ситуацией, встретился с сопляком. Скрывать не стану, в основном по причине глубокой антипатии к твоему горячо любимому Сереженьке, но также из-за желания разузнать истинное положение дел в фирме «Ажур». И выяснил я, Антон, прелюбопытнейшие вещи. Сам не ожидал подоб-

но, даже собственной жизнью.

¹³ Любовницы.

ного результата! Оказывается, господин Елкин еще в июне месяце снял со счетов все деньги (порядка десяти миллионов деноминированных рублей) и вложил частично в наличную валюту, частично в товар. Поэтому августовский обвал обошел его стороной. Сереженька тебе лепит¹⁴, будто кушать ему, бедненькому, нечего, а у самого сейф до отказа набит «зеленью»¹⁵. Не пора ли, Антон, получить назад твои двадцать тысяч баксов плюс причитающиеся нам десять процентов за вытрясение Говоркова?!

Игорь замолчал, глотнул пива из кружки и прикурил сигарету. Антон потемнел лицом. Губы Соболева стянулись в узкую полоску. На лбу сошлись морщины.

– Ты уверен, что Соловьев не врет?! – мрачно осведомился он. – В твоём слове я не сомневаюсь, но обозленный «впечатлительный мальчик» запросто мог набрехать! Ты же говорил – он жаждет мести и, возможно, с этой целью...

– Нет! – отрицательно покачал головой Игорь. – Я навел справки в банке, где Елкин держал свои капиталы. Там подтвердили – деньги обналичены в июне месяце!

– Ладненько! Звякнем Сереженьке, – скрипнул зубами Соболев. – Посмотрим, что он теперь скажет!

Сергей Игнатьевич расслаблялся в сауне, правда, не столько парился, сколько пил. Заглянув на минуту в па-

¹⁴ Врет.

¹⁵ Долларами.

рилку, он прочно обосновался в комнате отдыха за столом, уставленным бутылками с выпивкой и блюдами с холодной закуской. Елкин пировал в компании Иволгина. Кроме того, «сексу ради» были приглашены две молодые симпатичные сотрудницы «Ажура». «Зачем тратить на девочек по вызову, если можно совершенно бесплатно пользоваться своих подчиненных, – цинично рассуждал Сергей Игнатьевич. – Пусть только попробуют отказать! В стране, хе-хе, безработица!» Женщины (кстати, обе замужние) действительно не смели отказывать, хотя самодура Елкина, обращавшегося с ними хуже, чем с рабынями, люто ненавидели и презирали.

– Ленка, лезь под стол! Сделаешь мне минет! – громко рыгнув, барственно распорядился Сергей Игнатьевич. – Поживее, мать твою за ногу! Не люблю повторять дважды!

Вздрогнув словно от пощечины, женщина покорно полезла под стол, и тут неожиданно запищал сотовый телефон.

– Слушаю! – сухо бросил в трубку господин Елкин. – А, Антон! Привет! Как поживаешь? Что-о-о?! Долг вернуть?! Антон, ты меня удивляешь! Фирма катится в финансовую пропасть. В кассе ни гроша!

– Ага, ни гроша! – недружелюбно подтвердил Соболев. – Одни лишь пачки долларов!

И раньше-то взбалмошный, ерепенистый, а ныне, как помнит читатель, окончательно распустившийся, да в придачу изрядно подвыпивший, Елкин рассвирепел. – Не хрена считать чужие деньги! – завопил он. – Ты ждал без малого

два года. Подождешь еще!

Отключив телефон, Сергей Игнатьевич набросился на съезжившуюся под столом Ленку.

– Чего варежкой хлопаешь, сука?! Работай губами и языком, блин! Качественно работай, вдохновенно! Если мне не понравится – уволю!

– Та-а-а-ак! – зловеще протянул Соболев, закончив разговор с Елкиным. Интеллигентно-аристократическая личина Антона бесследно растворилась в волнах захлестнувшего его гнева. В настоящий момент он сильно напоминал огромного, разъяренного хищника из семейства кошачьих. – Ты был прав, Игорь! Прав на все сто! Я же опростоволосился как последний лох! Ну падла, Сергунчик! Ну козел вонючий! Придется заняться воспитанием обуревающего хмыря. Немедленно свяжись с ребятами!..

Спустя сутки Сивка-Бурка, Доктор, Белогвардеец и Ствол, которым Антон поручил изловить обоих совладельцев «Ажура», сидя в микроавтобусе «Шевроле» возле офиса фирмы, терпеливо ожидали появления «пассажиров»¹⁶. Офис размещался на третьем этаже здания какого-то полуживого от финансовой бескормицы научно-исследовательского института, находящегося метрах в двухстах от шоссе, куда вела единственная узкая дорожка. Жилые дома в бли-

¹⁶ В данном контексте – намеченных жертв.

жайших окрестностях отсутствовали. Здесь лишь угрюмо громоздились массивные темные корпуса закрытой в связи с «реформами» фабрики да чернел гнилыми досками длинный забор запущенной автобазы, превратившейся по причине тех же «реформ» в подобие свалки изношенных, большей частью поломанных грузовиков. Место было глухое, безлюдное, как нельзя лучше подходящее для похищения. Часы показывали начало седьмого вечера. Коротая время, бандиты оживленно беседовали, не забывая, однако, внимательно наблюдать за выходом из здания. Не получив денег за исполненную полтора года назад работу, они питали к Елкину далеко не самые теплые чувства.

– Наконец-то Соболев очнулся от спячки. Решился-таки взять коммерса за задницу, – торопливо затягиваясь сигаретой, говорил Белогвардеев. – А то носился с ним, как дурак с писаной торбой!

– Полегче на поворотах, Гена! – одернул парня Сивка-Бурка, и на сей раз возглавлявший операцию. – Антон не дурак, а наш с тобой шеф. Причем шеф хороший! Не чета некоторым другим!

– Да я так, не со зла, – смутился Корнилов. – Просто слишком долго приходится ждать кровно заработанные бабки!

– На той крыше удобнейшая позиция для снайпера, – мечтательно вздохнул Ствол, указывая пальцем в сторону одного из фабричных корпусов. – Пути отхода – лучше не придумаешь! Красота! – Бандит поцокал языком и зажмурил ле-

вый глаз, словно целясь из винтовки.

– С трупа денег не получишь! – нравоучительно напомнил Конев. – Хотя, признаться, я сам бы с превеликим удовольствием замочил поганого фуфлыжника!

– Соболев, помнится, упоминал, что у Елкина черный пояс по карате, – задумчиво произнес до сего молчавший Доктор. – Нелегко будет взять его живым!

– Брось, – усмехнулся Сивка-Бурка. – Все предусмотрено до мелочей. Кстати, роли свои не забыли?!

– Нет! – хором ответили бандиты.

– А как насчет второго?! – поинтересовался Ствол.

– Чмо, мокрица, – выразительно сплюнув в открытое окно, охарактеризовал Иволгина Конев. – Собственной тени шарахается. Трус конченный! Ага, вон они, родимые! Выползли из берлоги! Начинаем, пацаны¹⁷!

Достав из-за пазухи пистолет «ТТ», Сивка-Бурка первым выпрыгнул наружу...

– Сергей, у меня машина сломалась! Подбрось до дому! – плаксиво, нудным тоном просил компаньона Владилен Андреевич. – Ну пожалуйста! Чего тебе стоит?!

– У меня запланировано на вечер несколько важных встреч. Некогда с тобой возиться. На такси доберешься! – преувеличенно честно округляя глаза, отказывался Сергей

¹⁷ **Пацан** – на современном криминальном сленге вовсе не мальчишка, а человек вполне уважаемый. Он, конечно, не авторитет, но все-таки.

Игнатьевич. В действительности никаких «важных встреч» у Елкина не намечалось. Ему просто не хотелось делать лишний крюк, торчать в неизбежных автомобильных пробках вечерней Москвы и попусту жечь бензин. Закоренелый эгоист, он не желал тратить время, силы и средства (бензинчик тоже денег стоит!) на кого бы то ни было, кроме самого себя.

– Замучаешься ловить такси в таком захолустье, – ныл Иволгин.

– Чушь! Чушь! Чушь! – отрывисто возражал Сергей Игнатьевич. – Подними руку у обочины, и сразу с десятков частных остановятся. Хоть на край света доставят!

– Доставят... в лес! Ограбят, убьют, закопают! – насмотревшись телевизионных передач и начитавшись страшных историй в газетах, робкий Владилен Андреевич панически боялся любого встречного.

– Ежели бздишь – вернись в офис, запишись в пустом сейфе да заночуй там, – сострил господин Елкин. – Наши охранники-дармоеды сейф снаружи покараулят, а утром разбудят.

– Стоять! Не трепыхаться! Руки по швам! – вдруг приказал негромкий угрожающий голос. – Стреляю без предупреждения.

Увлеченные спором совладельцы «Ажура» не заметили, как их окружили четверо молодых здоровых парней. Один, стоя от Елкина на расстоянии трех метров, направлял в грудь Сергею Игнатьевичу дуло пистолета.

– Ты лучше будь пайнкой, ка-ра-тист! – с издевкой по-

советовал растерявшемуся «черному поясу» Сивка-Бурка. – Пуля быстрее твоих конечностей!

Пугливый Владилен Андреевич, закатив глаза, схватился за сердце. Да и Сергей Игнатьевич, чего греха таить, ощутил ватную слабость в теле, пупырышки озноба на спине, противный холодок в низу живота... Не помышляя о сопротивлении, он послушно застыл по стойке «смирно». Конев незаметно подмигнул Доктору. Подкравшись сзади, тот умело набросил на горло Елкина удавку и резко стянул ее, одновременно ударив Сергея Игнатьевича носком ботинка в подколенный сгиб. Бывший тренер отключился мгновенно¹⁸. Доктор положил бесчувственного коммерсанта ничком на землю, завел обмякшие руки за спину, стянул кисти милицейскими наручниками, проворно связал удавкой ноги в сухожилиях и, перевернув Сергея Игнатьевича лицом вверх, заклеил ему рот скотчем. Ствол с Белогвардейцем подтащили тело к «Шевроле» и забросили в салон. С очумелым от ужаса, похожим на зомби Иволгиным возиться не стали, а просто рыкнули: «В машину! Живо, блин!» – указав правильное направление смачным пинком под зад. Вырулив на шоссе, микроавтобус покатил по направлению к загородному дому Антона...

¹⁸ Бандит не душил Елкина, а перекрыл веревкой обе сонные артерии одновременно. Это обязательно приводит к кратковременной потере сознания (если не переусердствовать). В ближнем бою артерии зачастую перекрывают просто пальцами. Результат – аналогичный.

Глава 2

Затем случилось нечто поразительное... Ривера один стоял на ринге. Дэнни, грозный Дэнни лежал на спине. Он не пошатнулся, не опустился на пол медленно и постепенно, но грохнулся сразу.

Джек Лондон. Мексиканец

– Проклятая сентиментальность! – грустно сказал Антон Снежку. – Ведь знаю прекрасно – Елкин кругом не прав, исподличался вконец, а все-таки жаль засранца!

– Ясно! – кивнул Снегирев. – Бывший сэнсей¹⁹, ностальгические воспоминания юности... Понимаю! Однако слишком уж он охамел! Таких необходимо воспитывать.

– Да, придется поучить Серегу уму-разуму, но знаешь ли, Игорь! Как представляю его связанного, беспомощного, избиваемого нашими мордоворотами – муторно на душе становится! Аж блевать тянет!

Бандиты сидели вдвоем на лавочке в спортзале, оборудованном в подвале загородного соболевского дома, дожидаясь возвращения «группы захвата». Помещение освещали белые лампы дневного света. Вкупе с покрытыми кафелем стенами да выложенным плиткой полом они делали спортзал похожим на морг, куда по ошибке вместо носилок с мертве-

¹⁹ В переводе с японского – учитель. Так называли тренеров в школах карате.

цами приволокли штанги, гири и поставили тренажеры.

– Я избавлю твою чувствительную натуру от столь горестного зрелища, – взглянув на унылое лицо шефа, вдруг загадочно улыбнулся Снежок.

– То есть?! – не понял Соболев.

– Группового избиения не будет! Елкину развяжут руки-ноги, предоставят свободу действий...

– А проучить?! – недоумевал Антон. – Ты ж первый на этом настаивал!

– И продолжаю настаивать! – В глазах Игоря плясали озорные искорки. – Скажу даже больше! Елкин огребет звездюлей с избытком. От меня лично!

– У него черный пояс, – напомнил Соболев.

– Чудесно! – Игорь плотоядно потер ладони. – Порезвимся!

Слова Снегирева не являлись пустым бахвальством. Он много лет серьезно занимался рукопашным боем. Начал с боевого карате, но постепенно сделал основной упор на русскую систему Кадочникова и тайландский бокс. Одновременно Снегирев усваивал элементы техники многих других видов единоборства – английского бокса, джиу-джитсу, дзюдо, айкидо, саватт²⁰ и т. д., выбирая в каждом то, что считал наиболее подходящим для себя. Игорь в бою использовал

²⁰ Французский бокс, в котором активно используются удары ногами, несколько отличающиеся от классических ударов карате, но, пожалуй, более приемлемые для европейца.

так называемую «пластическую систему» – чувствовал малейшие нюансы собственных движений и был способен выжать максимум возможного как из сложившейся ситуации, так и из своего организма. Антон, разумеется, знал о бойцовских навыках Игоря, видел несколько раз, как тот небрежным на первый взгляд движением руки или ноги наглухо вырубает человека, но... прочно устоявшийся авторитет сэнсея затмевал ему глаза²¹... Поэтому Соболев хотя не стал возражать, но в глубине души посочувствовал «самонадеянному» Снежку, приготовившись к худшему и, как ему казалось, наиболее вероятному варианту развития событий, а именно: Игорь получает по мозгам, Елкина под угрозой оружия снова связывают, и... начинается та самая мерзкая процедура, при одной мысли о которой Соболев ощущал позывы к рвоте...

Около восьми вечера в спортзал вихрем ворвался сияющий Сивка-Бурка.

– Гости прибыли! – радостно доложил он.

– Нормально прошло? – спросил Антон, играя желваками.

– Как по маслу! – Конев мучился самодовольством. – На каратиста наставили ствол, слегка придушили удавкой, ак-

²¹ В большинстве школ карате существует (по крайней мере существовало раньше) нечто вроде «культы личности» сэнсея, ученикам внушается мысль, что «учитель» всемогущ, непобедим. Делается это главным образом для поддержания в секции жесткой дисциплины, без которой невозможно успешное усвоение новичками сложной базовой техники, между тем «культ личности» имеет великое множество негативных сторон, и не только с моральной точки зрения. Если, например, сэнсея где-нибудь побьют, ученики начинают мучиться комплексом неполноценности. Им кажется, что все, чему они научились, – ерунда.

куратненько спеленали... Второй толстобрюхий даже не пытался рыпаться... Куда их?

– Сюда, – хмуро ответил Соболев.

Спустя пять минут в подвал ввели зомбиобразного Иволгина и внесли скованного, стреноженного Елкина. Петр Игнатьевич затравленно бегал глазами и обильно потел. Сердце сжималось от страха. Коммерсант воображал, будто сейчас его незамедлительно прикончат каким-нибудь варварским способом: распилят пополам ножовкой, или живым замуруют в цемент, или... Да мало ли чего бандюги измыслят! Дернул же черт лезть в бутылку. Мучимый запоздалым раскаянием, Сергей Игнатьевич еле-еле сдерживал рыдания. В общем, «черный пояс» в настоящий момент представлял собой весьма жалкое зрелище. Отклеив со рта скотч, Елкина усадили на пол в углу. Повинуясь шевелению пальца Сивки-Бурки, безмолвный Иволгин обреченно опустил рядом.

Антон окинул бывшего тренера долгим, тяжелым взглядом.

– Ты, Серега, опух²², заврался, обрубил сук, на котором сидел, – выдержав короткую паузу, сказал он. – Вешал мне лапшу на уши, будто разорился на кризисе, дома кушать нечего, а сам... Нам стало доподлинно известно, что в июне месяце ты все свои банковские средства перевел в наличную валюту и товар. Десять миллионов деноминированных рублей, то есть около полутора миллионов долларов по старо-

²² Обнаглел.

му курсу. Ты, помнится, орал по телефону: «Не хрена чужие деньги считать! Ждал два года, подождешь еще!» Так?!

Елкин понуро молчал.

– Во-первых, не чужие, а свои! – накаляясь злостью, сквозь зубы продолжал Соболев. – Ты, падла, брал у меня займы двадцать тысяч баксов плюс тридцать тысяч обещал за вытрясение фирмы «Созвездие». Пацаны работу выполнили, господин Говорков добросовестно раскошелился, однако ни фига мы не получили! Я уж не говорю о плате за крышу. Пес с ней! Копейки! Ты, жук навозный, рассчитывал, пользуясь давнишним знакомством, безнаказанно срать мне на голову до скончания века?! – Ноздри разъяренного Антона раздувались, в глазах бушевало пламя, кулаки произвольно сжимались. – Не-е-ет, фуфлыжник! Номер не пройдет! – с ненавистью прошипел он. – Хватит, блин, либеральничать! Приплыли!

Соболь умолк, вынул из пачки сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Сергей Игнатьевич, ожидая «смертного приговора», трясся в ознобе. Зубы коммерсанта полязгивали, голова кружилась. Вот-вот Антон подаст знак подручным и... мамочки! Елкин хотел было взмолиться о пощаде, наобещать за сохранение жизни «золотые горы», однако язык отказывался повиноваться.

– Короче, так, – докулив сигарету до фильтра, подытожил Соболев. – Долг вернешь не позднее ближайших трех дней. Кроме того, в виде компенсации за моральный ущерб накла-

дываю на тебя штраф в размере ста процентов зажиленной суммы. Отныне ты должен не пятьдесят, а сто тысяч! Не забывай – срок три дня, иначе тебе лучше самостоятельно повеситься. И еще! В сугубо воспитательных целях придется малость выколотить пыль из твоей шкуры, – Антон бросил окуроч на пол и раздавил ногой.

У Сергея Игнатьевича отлегло от сердца, вернулся дар речи. Елкин понял – убивать его сейчас не собираются, да и калечить сильно не станут. Коммерсант заметно приободрился. Помнут, конечно, морду разукрасят, но это ничего, до свадьбы заживет!

– Герои! – подал голос он. – Ну бейте, топчите! Вас много, я один, в придачу связанный. Давайте, проявляйте крутость! Будете потом хвастаться, как одолели обладателя черного пояса школы «Киу-ка-шинкай»! И ты, Антоша, присоединяйся! Отрабатывай удары, которым я тебя обучил!

Сергей Игнатьевич, хорошо знавший характер своего бывшего ученика, действовал с тонким психологическим расчетом. Если побоев все равно не избежать, то он, Елкин, по крайней мере останется на высоте, сохранит «крутой имидж», а заодно ядовито ужалит душу Соболева, заставит «мальчишку» терзаться угрызениями совести.

Однако в следующее мгновение хитрые замыслы Сергея Игнатьевича рассыпались карточным домиком.

Товарищ Антона по прозвищу Снежок поднялся с лавочки, насмешливо оглядел напыжившегося «черного пояса»

и ехидно сказал:

– Зря ты, дражайший господин киукашинкаец, юродствуешь, на жалость давишь! Мы не будем лупить тебя связанного, беспомощного... Напротив, я предлагаю честный поединок – один на один. Обещаю: никто из ребят не вмешается. Только ты да я. Остальные – зрители. Побьешь меня – твое счастье, нет – пеняй на себя! Эй, братва, развяжите-ка нашего супермена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.